

Болячкинский монастырь и его обитатели (1923-1925 гг.)

*Е.Н. Чудиновских,
директор КОГБУ «ГАСПИ КО»*

После принятия декрета СНК 23 января 1918 года об отделении Церкви от государства монастыри и церковные общины лишались права юридического лица, права владеть собственностью. Отныне свое право пользоваться «бесплатно» своим же имуществом они получали только с разрешения местной или центральной власти. Руководствуясь декретом, местные советы приступили к конфискации церковного и монастырского имущества. В монастырских ансамблях разместили больницы, лазареты, воинские части, концентрационные лагеря, детские колонии, школы, общежития и т.д., церкви передавали приходской общине.

Большинство изгнанных из родных мест монашествующих разошлись кто куда, собираясь по несколько человек при церквях, или на квартирах в деревнях. Продолжали жить по привычному монастырскому уставу, совершали богослужения и религиозные обряды для местного населения. Иногда они даже регистрировались как трудовые артели и какое-то время существовали вполне легально.

А были случаи, когда в глубинке довольно продолжительное время существовали монастырские общины при церквях без всяких разрешений от советской власти. Так и произошло в деревне Болячки Дворищенской волости (позднее - Сунской волости) Нолинского уезда. Историю Болячкинского монастыря рассказали судебные-следственные документы, хранящиеся в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области.

Как поведали в феврале-марте 1925 года следователям местные жители, еще в 1913 году близ деревни начали строить часовню. Еще тогда предполагалось, что здесь будет монастырь, и даже одна из местных жительниц, вдова Черных Дарья Федоровна, пожертвовала для будущего монастыря свой дом, который и был тут же перевезен на выделенное для монастыря обществом место. За это ей было обещано место просфорницы при монастыре.[1] Ждать ей пришлось долго, целых 10 лет, потому что строительство продвигалось медленно.

Иллюстрация 1: Мельников Яков Иванович

В том же 1913 году появился в деревне Болячки Яков Иванович Мельников. Родился он в 1874 году в селе Скородное Скородненской волости Чернского уезда Тульской губернии в крестьянской семье. Образование получил в церковно-приходской школе, затем служил писарем в армии, потом — конторщиком, а позднее был управляющим имения помещика-генерала Рембелинского. В 1913 году со службы уволился и, узнав, что в Нолинском уезде при деревне Болячки строится монастырь, поехал туда, имея серьезное желание постричься в монахи.

Но приехав, застал из будущих монастырских построек недостроенную церковь, одно здание и амбар. Видя, что у населения нет средств на достройку церкви, решил использовать свои личные деньги в сумме 1000 руб. Далее строительству помешала 1 Мировая война. В 1914 году Яков Мельников был вновь призван на военную службу. [2]

За время его отсутствия церковь потихоньку строил Крупин Семен Дмитриевич. Он тоже приехал в деревню Болячки в 1913 году. Уроженец Казанской губернии, узнав про строящийся монастырь, отправился в эти места помолиться. Увидел, что строительство не закончено, имея специальность столяра, остался строить часовню (сказал, что строил бесплатно).[3]

В 1921 году вернулся со службы Яков Мельников. И сразу же приступил к достройке зданий. Через год основное строительство было завершено. Деревянную часовню решили освятить как церковь, для чего испросили разрешение епископа Яранского (обновленческого) Сергия (в миру - Сергей Евгеньевич Корнеев). Для освещения церкви в январе 1923 года епископ Сергий направил иеромонаха Германа (Рыкова Георгия Антоновича) 1871 года рождения, уроженца Орловского уезда Вятской губернии, который на тот период исполнял обязанности настоятеля уже почти не существующего Филейского монастыря Щербининской волости Вятского уезда. (Филейский монастырь был закрыт еще в 1918 году и передан в ведение Вятского уездного отдела народного образования под приют, остаться на территории монастыря было разрешено лишь пожилым монахам).[4]

Итак, церковь была освящена в честь Святого великомученика Георгия Победоносца. После чего жители окрестных деревень на своем сходе 26 января 1923 года вынесли и передали иеромонаху Герману такой приговор:

«Мы, нижеподписавшиеся, граждане деревень Болячек, Сенокос и Кисели 1-го общества Дворищенской волости Нолинского уезда Вятской губернии просим игумена Александро-Невского Филейского монастыря Германа и уполномачиваем его сем приговором быть настоятелем мужской общежительной общины Святого Великомученика и Победоносца Георгия, находящейся при наших вышепоименованных деревнях. Означенную общину и живущих в ней как настоятеля так и равно всю братию мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся защищать от разных притеснений и нападков и неприятностей со всех сторон. К сему приговору подписуемся». Далее следовало 25 подписей.[5]

Иллюстрация 3: Иванов Константин Николаевич

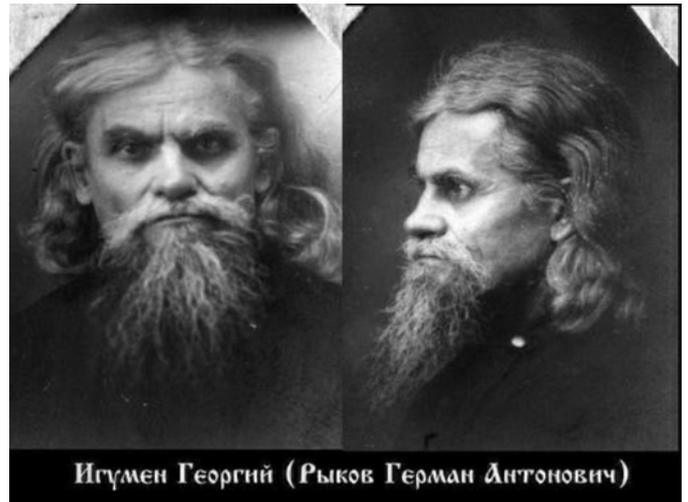

Иллюстрация 2: Рыков Георгий Антонович (иеромонах Герман)

И Герман остался в деревне Болячки. Известно, что к тому времени в общине (читай — в монастыре) проживали Мельников Яков Иванович, позднее постриженный в монахи с именем Илларион, Крупин Семен Дмитриевич 38 лет, вскоре покинувший монастырь, монахи Семен Криушин и Иванов Константин Николаевич 60 лет (бывший помощник епархиального миссионера Вятского епархиального управления, вскоре был арестован).

Имелись земельный и лесной участки; постройки: церковь, здание трапезной, келья, сарай на столбах, крытый соломой. Позднее были построены дома, занимаемые кельями настоятеля и монаха Иллариона. При церкви имелись предметы, необходимые для совершения религиозных обрядов.

В вятской глубинке не заметили, что после отделения церкви от государства, власти требовали заключать договоры на использование молитвенных зданий и культового имущества, а также регистрировать общины. Мужская общежительная община Святого великомученика и Победоносца Георгия в органах советской власти не регистрировалась, существовала на

нелегальном положении. Разрешения со стороны органов светской власти на право занятия зданий и церкви при названном монастыре у настоятеля не имелось и даже такое разрешение не испрашивалось. Разрешения на право занятия земельного и лесного участка от органов советской власти у общины также не было...

В монастыре проживало монахов и послушников до 12-13 человек, состав был все время переменным. Среди послушников в монастыре имелись дети от 12 до 17 лет.[6]

Допросили и детей-послушников: Алексея Николаевича Безсонова пятнадцати лет, Василия Петровича Федоровых шестнадцати лет, семнадцатилетних Дмитрия Ивановича Платунова и Ивана Григорьевича Баранова. Они и рассказали, что Алексей, Василий и Дмитрий в детстве тяжело болели, и их родители дали обещание, если дети выздоровеют — отдать в монастырь на послушание на год. У Баранова Ивана немного другая история: у него отец лишился зрения, не мог содержать семью, и Иван был вынужден искать пропитания сам, узнал о монастыре и направился туда.

При монастыре они исполняли хозяйственные работы: мыли полы в церкви и кельях, пилили и носили дрова, топили печи. В ночное время караулили монастырский участок, исполняли некоторые обязанности пономаря при церкви, а также присутствовали при всех религиозных обрядах. В 4=30 часа утра на одном из послушников лежала обязанность будить настоятеля и монахов чтением молитвы под окном и звоном колокольчика. Настоятель постоянно беседовал с ними на религиозные темы, за непослушание ставил на поклоны.[7]

Как в каждом святом месте был в районе монастыря и ключ, у ключа была часовня с иконами, воду в нем постоянно освещали насельники монастыря, потому и считалась она святой. Приходили и брали воду и местные крестьяне, и странники. Приходя — приносили что-нибудь из продуктов настоятелю.[8]

Рядом или прямо на территории монастыря находилась и школа 1 ступени. Школьные работники жаловались, что влияние монастыря в отношении школы на население отрицательное, население весьма враждебно было настроено как к самой школе, так и школьным работникам и даже среди населения шли слухи, что школу хотят пожечь.

Несмотря на то, что существование общины было фактически санкционировано обновленческим епископом Яранским, в октябре 1924 года обновленческое же Вятское епархиальное управление постановило Георгиевскую общину закрыть, так как игумен Герман был замечен в «агитации в пользу тихоновцев и самовольном обращении им Георгиевской монастырской церкви в приходскую». В постановлении ВЕУ говорилось:

1) Монастырь при д. Болячки закрыть. 2) Георгиевскую церковь приписать к церкви с. Суны Нолинского уезда. 3) Игумена Германа — как ослушника епархиальной власти и фактически переведшего самовольно Георгиевскую монастырскую церковь в приходскую — запретить в священнослужении с удалением из пределов 3 благочинного округа Нолинского уезда в интересах спокойствия приходской жизни сел, окружающих местность при д. Болячки.[9] ГАКО ф.237 оп.77 д.292 л. 16

Не знаю, были ли знакомы с этим постановлением сами обитатели монастыря, но он продолжать жить, служить, совершать религиозные обряды, крестить, отпевать, принимать новых монахов, послушников и странников.

В августе 1924 года в монастырь пришел монах Пимен (в миру - Пегасий Петрович Диев 60 лет), изгнанный из Филейского монастыря, окончательно закрытого в мае 1924 года. В Деревне Болячки он плотничал, работая ежедневно лишь за бесплатный стол. В свободное время от плотницких работ занимался плетением лаптей, которые сдавал настоятелю. 11397. Т.1. л.427-427об

В первых числах февраля 1925 года пришел в Болячкинский монастырь монах Макарий (в миру Белоруков Федор Михайлович) 33 лет из Лальского Михайло-Архангельского монастыря Северо-Двинской губернии, так как условия жизни в Михайло-Архангельском монастыре были невозможные, помещений у монастыря не осталось. Он планировал поступить в Болячкинский монастырь, так как настоятеля Германа он знал давно по совместной жизни в Филейском монастыре в 1911-1912 годах. 11397. Т.1. л.430-430об11 Тогда же , в феврале 1925 года пришел в монастырь послушник из Яранского Пророчицкого монастыря Ведерников Семен Герасимович 56 лет. .11397. Т.1. л.429-429об.

Может быть, и дальше существовал монастырь, жил своей размеренной жизнью, но тут обратили на него внимание сотрудники ОГПУ. В этой известной организации разрабатывалось с 1923 года масштабное дело с участием большой группы духовенства — тихоновцев. Основное обвинение — антисоветская пропаганда, участие в монархической организации «Союз Русского народа» (Союз Русского Народа; русская массовая националистическая и монархическая политическая партия, известная также как партия черносотенцев (1905-1917 гг.), центр в Санкт-Петербурге, имела свыше 500 отделений в городах России), и помощь ссыльным опальным епископам Павлу Борисовскому и Виктору Островидову. Дело было заведено еще в декабре 1923 года. Нами уже упоминалось, что бывший помощник епархиального миссионера Вятского епархиального управления Иванов Констратин Николаевич одно время подвизался в Георгиевском монастыре. Он был арестован одним из первых вместе с епископом Уржумским Авраамием Дерновым. При обыске у него нашли подписной лист на оказание денежной помощи ссыльным епископам Павлу Борисовскому и Виктору Островидову. До других обитателей Болячкинского монастыря дело дошло в феврале 1925 года. Сотрудники ОГПУ допросили насельников монастыря, местных жителей и выяснили, что в беседах с крестьянами настоятель Герман и монах Илларион не раз говорили, что «советская власть есть власть жидов и антихриста». А монах Илларион состоял членом Союза русского народа (что в процессе следствия доказано не было). Узнали, что один из местных видных деятелей Союза Русского народа Белобородов Степан Евстигнеевич был одним из организаторов и, как теперь бы сказали, спонсоров строительства монастыря, неоднократно приезжал в монастырь и приватно беседовал с игуменом Германом и монахом Илларионом. Все это послужило основанием их ареста 26 марта 1925 года.

Следователи так сформулировали обвинение против монахов: «В Нолинском уезде в районе деревни Болячки и Сенокосы организован нелегальный незарегистрированный в органах власти монастырек под названием Болячкинский во главе с черносотенными игуменом Рыковым Германом и монахом Мельниковым Илларионом. Последние близ монастырька открыли святой ключик, отпуская из него суеверным воду, фабриковали всевозможные целительные эксперименты, раздавая их населению. Обучали несовершеннолетних детей Закону Божьему, афишировали себя прозорливыми. Указанными действиями привлекали к себе большое и далекое внимание религиозных фанатиков — создавалось паломничество, особенно суеверных разных кликуш и юродивых. Повсеместно приходящим в монастырек паломникам Герман и Илларион за богослужением в проповедях и беседах под религиозным предлогом произносили и внедряли антисоветские настроения. Монастырек являлся постоянным местом посещения, а Рыков и Мельников являлись близкими духовниками бывшего председателя Ошетского отдела Союза Русского Народа Белобородова Степана Евстигнеевича из деревни Кленовой, влияние которого сказалось в том отношении, что Рыков и Мельников проповедовали близость войны, массовые мобилизации скота и людей, реквизиции хлеба и имущества крестьян, скорое падение соввласти и приход на русский престол из-за границы царя. Рыков и Мельников посещали епископа Дернова Авраамия в Вятке, находясь с ним в духовном общении...11397. Т.2. Л.407.

13 ноября 1925 года Рыков, Мельников и Иванов и еще 8 человек, в т.ч. епископ Авраамий (в миру Дернов Анатолий Иванович) были приговорены Особым совещанием при коллегии ОГПУ к трем годам высылки в Зырянский край. 11397. Т.3. Л. 118.

Осужденные отправились в ссылку, благополучно ее отбыли. 09 марта 1928 года их еще раз осудили. На этот раз к лишению права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, одессе, Ростове, Вятке сроком на три года.

Реабилитированы по этому делу 10 июня 1992 г.

В Книге Памяти Республики Коми есть сведения о Мельникове Илларионе Ивановиче. После отбытия наказания жил он в с. Усть-Кулом Усть-Куломского района Коми АССР. 31 мая 1931 года арестован по обвинению в антисоветской агитации (организовал «нелегальный монастырь»). Осужден 06 октября 1931 года тройкой при ПП ОГПУ Северного края на 5 лет ссылки. Дальнейшая его судьба неизвестна, как неизвестна и судьба игумена Германа (Рыкова).

Судьба же Болячкинской Георгиевской общины, я думаю, предсказуема. Каждого из допрашиваемых спрашивали, куда он теперь намерен пойти. Следовательно, в деревне Болячки им оставаться было уже никак нельзя. После ареста и осуждения настоятеля Германа и монаха Иллариона она, скорее всего, перестала существовать.

Примечания:

1. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11397. Т. 1. Л. 436.
2. Там же. Л. 438-439об.
3. Там же. Л. 433-433об.
4. Там же. Л. 425-426об.
5. Там же. Л. 412. Вложения.
6. Там же. Л. 425-426об.
7. Там же. Л. 420-423.
8. Там же. Л. 425-426об.
9. ГАКО. Ф. 237. Оп. 77. Д. 292. Л. 16.